

Юрий ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ

Плескачевский Юрий Михайлович – крупный учёный в области механики материалов и конструкций. Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси (1991), доктор технических наук (1984), профессор (1997). Заслуженный деятель наук (2013). Научные исследования и разработки в области механики и технологии металлополимерных систем, впервые выполнил их классификацию, дал определения, вошедшие в энциклопедии, учебники и справочники. Экспериментально выявил и обосновал основные закономерности кристаллизации полимеров, их взаимодействия с металлами в динамическом фрикционном и статическом контакте, выполнил математическое моделирование объёмно-напряжённого состояния полимерных композитов, создал научные основы ряда технологий их обработки, предложил новые концепции формирования активных и адаптивных композитов и изделий из них. Автор более 550 научных трудов, в том числе 22 книжных изданий, 4 технических русско-беларуских словарей, 111 изобретений. Член ЛитО «Новая Белица».

НЕВОЛЬНЫЙ УБИЙЦА?

Вокзал жил своей обычной суетливой жизнью. У центрального выхода на первую платформу собиралась и постепенно разрасталась толпа отъезжающих и провожающих. Никто точно не знал, с какого конца поезда начнётся нумерация вагонов.

Со стороны вагонного депо показался локомотив, состав медленно проследовал вдоль платформы и остановился. Прозвучало объявление о начале посадки на московский поезд и о том, что нумерация вагонов начинается с его головы. Толпа мгновенно пришла в движение, ибо каждый пытался предугадать, в какой части платформы остановится его вагон. Странное дело: уже давно отменены общие вагоны, билеты в которые были без указания мест, у каждого на руках сегодня билет с указанием не только номера вагона, но и конкретного места, с внедрением электронных систем билетные кассы перестали выдавать на одно и то же место по два и более билетов. Но каждый, по укоренившейся в нашем сознании привычке, норовит войти в вагон пораньше, занять своё место и, даже в случае появления «двойника», иметь преимущественное,

но нигде официально не записанное право оставаться на месте «согласно купленному билету». А «двойник» будет вынужден метаться между проводником вагона, начальником поездной бригады, дежурным по вокзалу и билетными кассами в попытках разрешить ситуацию. Такие случаи уже мало кто помнит, но стремление поскорее занять своё место в вагоне прочно засело в нас, по-видимому, уже на генетическом уровне.

У моего вагона, классифицируемого как СВ, публика поспокойнее. Билеты в этот тип спальных вагонов заметно дороже и в командировочные расходы включаются и оплачиваются только для большого начальства или, по его высокому соизволению, рядовым сотрудникам. Мой статус позволял воспользоваться этой «привилегией», тем более, что от момента отправления московского поезда и до времени отхода ко сну всегда было несколько часов, чтобы ещё раз проработать составляющие цели поездки документы, продумать аргументы, обосновывающие изложенные в них просьбы и предложения, промоделировать предполагаемый ход дискуссии в «высоких» московских кабинетах. Такой возможности в силу массы отвлекающих моментов обычный купейный вагон, а тем более, плацкартный – не предоставляли.

Деловые поездки в Москву, как и сама столица СССР, вызывали у меня смешанные чувства. Я люблю Москву, благоговею перед её историей и ролью в объединении великой страны. Одновременно, если поездка деловая, Москва мне не нравится. За суетливость, постоянную всеобщую спешку, огромные размеры. Какое бы оригинальное желание у тебя ни возникло, куда бы ты ни приехал и не обратился, нигде и никогда ты не будешь первым, нигде и никто тебя не будет ждать, даже если предварительно по телефону ты об этой встрече договорился. Угнетает пустая трата времени на переезды из одного конца Москвы в другой. Особенно, если ты привык экономить и рационально использовать каждую минуту рабочего дня. Больше двух дел на один день командировки в Москве никогда не планировал. В отличие от Минска, города компактного, где все предварительные договоренности срабатывали и дела решались без чванства, снобизма, снисходительности, а по-деловому и оперативно.

До отправления поезда оставались считанные минуты, и я уже подумал, что, по меньшей мере, до Орши буду ехать один. Вот уже

поезд тронулся и в приоткрытые форточки хлынула громкая бра-
вурная музыка, с которой во всех провинциальных городах великой
страны, обязательно с первых платформ, отправлялись поезда в
Москву, как в двери купе появился мой попутчик.

Поездные попутчики – это отдельная тема. У тех, кто часто ездит
поездами, с годами вырабатывается определенная линия поведе-
ния. Я никогда не откровенничал с незнакомыми людьми, избегал
бесед на политические темы, старался не принимать участия в пу-
тевых застольях с обильной выпивкой и громкими пьяными спора-
ми. Это не моё. Если такую линию удавалось выдержать, то через
несколько часов после выхода из вагона на станции назначения
все нейтральные полупустые поездные разговоры и лица попутчи-
ков из памяти стирались, как ненужный хлам.

Однако существует известное толковым психологам проявление
человеческой души, когда накопившиеся переживания, сомнения,
душевные муки необходимо кому-то излить, возможно, в чём-то
покаяться, испытав при этом то облегчение, которого добивается
церковь в ходе таинства исповедания. Но в церковь большинство
людей дела не ходят. Да и церковные служки не пользуются осо-
бым доверием с точки зрения сохранения тайны исповеди. Поэто-
му поезд, случайный попутчик, умеющий просто молча слушать, –
оптимальный объект для исповедального рассказа. Но то, что я
услышал от этого попутчика, было невероятным и устрашающим.

Вошедшим оказался высокий, статный мужчина лет пятидесяти
с интеллектуальным лицом, со слегка седеющей, но ещё пышной,
на пробор, шевелюрой, прилично одетый, с портфелем-диплома-
том и пакетом, как потом выяснилось, с выпивкой и закусками.
Вместе с доброжелательным приветствием и приятным баритоном
купе наполнилось тонким ароматом дорогого коньяка. Не перегар,
а именно тот запах, который источает свежееоткупоренная бутылка
добротного коньяка.

Невольно мой взгляд скользнул на ещё открытую форточку, что
для незнакомца не осталось незамеченным.

– Лучший способ перестать ощущать то амбре, которое я излу-
чаю и которое Вы, как я понял, уже почувствовали, – сказал он, – это
приобщиться и Вам к этому аромату.

Это было произнесено настолько непринужденно и доброжела-
тельно, с лёгкой улыбкой и общим невинным выражением лица,

не допускающими другой моей реакции, кроме согласия, что я не
выдержал долгой паузы и рассмеялся. Контакт был установлен.

Из пакета элегантно движением на стол была поставлена ха-
рактерная удлинённая бутылка молдавского пятизвёздочного ко-
ньяка. Потекла непринужденная ни к чему не обязывающая бесе-
да. И начало ей было положено рассуждениями о роли обоняния
в жизни человека. Невозможно было предугадать, в какие пота-
ённые дебри человеческой души, к каким невероятным скрытым
способностям конкретного человека приведёт эта, казалось бы,
безобидная тема.

Для меня выпивка никогда не была самоцелью. Лишь как сред-
ство, стимулятор общения. Если компания приятная, тема ней-
тральная, разговор доверительный, ровный эмоционально, то по-
чему бы не принять несколько рюмок качественного напитка?

Мой собеседник, представившийся Максимом, оказался зна-
током анатомии человека, его способностей и недостатков. По
просвещённому мнению Максима, по сравнению с животными и
насекомыми, человек практически лишён обоняния и вкуса. Вос-
принимает лишь резкие запахи, вроде лука, чеснока или спирта,
и то в таких концентрациях, при которых даже стойкие болезнет-
ворные микроорганизмы погибают. Обыкновенный мотылёк или
бабочка в своём тщедушном теле содержит уникальный по чув-
ствительности и избирательности газовый хроматограф, позволя-
ющий лететь точно в направлении особи противоположного пола,
находящейся в нескольких километрах, при концентрации одной
характерной молекулы на сотни миллиардов молекул других газов.
Любой кот способен найти по запаху и вкусу полезную травку, а
уникальный нюх собак общеизвестен.

– Самый поверхностный анализ строения человеческого гла-
за не вписывается в теорию Дарвина о происхождении видов, –
продолжал Максим. – Чтобы достичь глазного дна, на котором
расположены фоточувствительные колбочки и палочки, луч света
должен пройти через несколько слоёв кровеносных сосудов. Если
мы смотрим на синий цвет, то проплывающие по этим капиллярам
частицы крови, например, лейкоциты, ошибочно воспринимаются
нами как движущиеся точки. Это установленный факт. Но это ещё
не все несурзаци. Далее луч света должен преодолеть сплете-
ния нервных волокон и несколько слоёв нервных клеток. И лишь

после этого «бега с препятствиями» луч света достигает фоточувствительного слоя. Но большинство фотонов, а следовательно, и зрительной информации уже потеряно. Глаз человека – это пример ошибочного решения. Кстати, в глазу, например, осьминога всё устроено оптимально: свет сразу попадает на фоточувствительный слой, а нервные волокна и кровеносные сосуды находятся за ним.

Рассказ Максима прерывался короткими тостами, сначала за знакомство, затем за благополучный и точный по расписанию отъезд, потом за «взятие» мелькавших за окном станций и полустанков.

Рюмки были дорожные, грамм по двадцать, на один глоток, так что бутылка опорожнялась медленно. А рассказ Максима о человеческих несовершенствах продолжался. При этом, независимо от количества выпитого, стройность речи и логика мышления не ухудшались.

– Зачем человеку совместили вход пищеварительной и дыхательной систем? – вопрошал Максим, явно не требуя от меня немедленного ответа. – Ежегодно погибают десятки тысяч от того, что кусочек пищи попадает в дыхательные пути. Так, будучи недавно в командировке, завтракая в гостинице, погиб мой шеф, подавившись кусочком колбасы.

Чувствовалось, что эта тема о человеческих несовершенствах изучена Максимом досконально. Он глубоко и достаточно профессионально разобрал «по косточкам» наш несовершенный позвоночник, коленный сустав с его легко уязвимым мениском, неспособность отращивать в зрелом возрасте потерянные зубы, что легко происходит у акулы, недостаточную широту таза, что делает роды опасными для жизни и женщины, и ребёнка.

– Человек слаб, незащищен и крайне неповоротлив, – убеждал меня Максим.

– Так почему же человек выжил и стал властелином над всем живым? – спросил я.

– Нужно различать два понятия: приспособленность и приспособляемость. По первому критерию многие живые существа превосходят человека, но по способности приспосабливаться к окружающей среде, адаптироваться при изменении условий обитания, человеку в природе равных нет.

Казалось, тема исчерпана и можно отходить ко сну. Да и в бутылке осталось напитка на дне. Но что-то вдруг изменилось в лице Максима. Он на несколько секунд окаменел. Такое выражение бывает на лице человека, который что-то вдруг вспомнил, постиг, о чем-то именно в этот миг догадался, произошло озарение, о чём нужно немедленно высказаться.

– При всех известных нам недостатках и несовершенствах, человек непостижим, – медленно произнёс Максим. – Не зря мудрец сказал, что человек познаёт всё вокруг себя, а лишь потом – самого себя. Что такое человеческая интуиция? Какими способностями обладали Нострадамус, Мессинг, Ванга? Что такое закон кармы? Способны ли мысли материализоваться? Существует ли биополе?

Я понял, что открывается новая неисчерпаемая тема разговора, но есть в этой теме что-то глубоко личное для Максима. Возможно, моё умение слушать и слышать побудили его к какому-то откровению, связанному с этими вопросами, на которые пока не существует достоверных ответов. Я не ошибся. То, что в течение этой ночи под стук колёс поведал мне Максим, повергло меня в шок. Прошло много лет после этой памятной поездки в Москву, прежде чем я решился «положить» рассказ Максима на бумагу. Ничего подобного я не слышал ни до, ни после. По каким статьям какого кодекса квалифицировать те деяния, которые невольно совершил Максим?

Максим откинулся на спинку дивана, полузакрыв глаза и начал медленно говорить.

– Мы не знаем друг друга. Никогда ранее не виделись и маловероятно, что когда-либо свидимся вновь. В следующем месяце я уезжаю на пээмже в Америку. Я расскажу то, о чём никому никогда не рассказывал, но что гложет меня уже много лет.

Я из древнего белорусского рода. Каждый его представитель по мужской линии обладал тем или иным даром. Когда рождался мальчик, за ним внимательно наблюдали, в какой области проявлялся его уникальные способности. Наблюдали и за мной. Но ничего особенного не замечали. Уже перед смертью отец мне сказал, что я первый в роду нормальный человек. Сам отец в грозу в течение нескольких секунд между ударом молнии и раскатом грома видел картины будущего, родной брат отца стал знаменитым художником, дед обладал уникальной памятью и помнил всё, что когда-либо видел, слышал или читал, прадед легко приручал птиц и по-

нимал их «разговоры». Так утверждал мой отец. Но относительно моей нормальности он ошибся. Судите сами. Я буду рассказывать эпизоды из моей жизни, по которым я, поначалу, не замечал никакой системы, но когда заметил, проанализировал, сопоставил – содрогнулся.

Первый эпизод восходит ещё к моей юности, когда я, молодой красnodипломный выпускник престижного столичного вуза поступил на работу в научную часть нашего университета. Заведующий подразделением, в которое меня определили, оказался деловым и толковым руководителем. Мы все его просто боготворили. Называли шефом. Он это знал, и ему это нравилось. Чтобы привлечь внимание к нашим работам, он опубликовал в одной из центральных газет статью под претенциозным заголовком «На переднем крае». Статья произвела фурор в университете. Нам стало ясно, что с поддержкой наших работ, их финансированием всё будет в порядке. Даже отметили это событие шампанским.

Прихожу я домой. А жили мы в частном доме, снимали с женой комнату. Вижу, в саду под яблоней в шезлонге сидит приехавший неделю назад из Ленинграда дядя Саша, родственник хозяйки, и в руках у него та самая газета. Увидев меня, он воскликнул:

– Ну и арап твой шеф, дал такой заголовок своей статье!

Меня как взорвало изнутри. Возмущённый такой несправедливой оценкой, я молча вперил свой пылающий взор на дядю Сашу. Я пришёл в себя лишь после секундного ступора и заметил, как газета почему-то выпала из рук дяди Саши.

На следующий день прихожу с работы – все в печали. У дяди Саши случился инфаркт. Увезла скорая. Через месяц он поправился и уехал в Ленинград. На следующий день получаем траурную телеграмму. Дядя Саша умер по пути на работу.

Второй эпизод произошёл в том же саду. Сын хозяйки решил жениться. Всё было подготовлено к свадьбе, которую решили отмечать в саду. Родственников и друзей с обеих сторон собралось человек шестьдесят. Столы ломились от выпивок и закусок. Хозяйка, мать молодого, попросила меня организовать всё для танцев. Дело знакомое ещё со студенческих общежитий. Магнитофон, усилитель, звуковые колонки, кассеты с популярными песнями – всё было смонтировано и уверенно озвучивало ближайшую округу.

Среди гостей оказался парень лет тридцати, Костя, племянник хозяйки. Ранее я его никогда не видел, поскольку, как потом мне шепнули, он лишь несколько дней тому освободился, отсидев где-то на Севере пять лет. Блатная суть так и пёрла из него: до неприличия громко разговаривал, перебивая всех тостующих и не стесняясь при этом в выражениях. Словом, как говорится, портил всю обедню. Хозяйка подошла ко мне и раньше предварительно оговорённого времени попросила объявить перерыв для танцев и включить погромче музыку. Попросили мать Кости, родную сестру хозяйки, уже изрядно подпившего сынка отвести домой. Но не тут-то было. Как только зазвучала ритмичная музыка, Костя сорвался со своего места и, не обращая внимания на стоящих и ожидающих приглашений к танцам женщин, подскочил ко мне, прижал рукой свой потный лоб к моему и начал в такт музыке выделывать ногами какие-то замысловатые кренделя. Я вынужден был тоже как-то шевелиться, испытывая при этом отвращение и к его потному лбу, и к зловонию из не знавшего зубной щётки рта. Несуразность ситуации моё отвращение постепенно превращала в злобу, по мере нарастания которой движения Кости становились всё медленнее. Наконец, мы остановились и встретились взглядами. Костя пошатнулся, мать подхватила его под руки и повела к выходу. Все понимающе переглядывались, мол, перепил парень. С кем не бывает? Свадьба благополучно продолжалась.

Как потом мне рассказали, Костю с трудом довели до дома, уложили спать, а утром обнаружили мёртвым.

Максим налил себе рюмку коньяка, молча выпил и продолжил свой рассказ. Мне показалось, что он где-то вне времени и пространства. Его исповедальная речь уже адресована не мне. Он был как в трансе. Тем же монотонным голосом продолжил:

– Эти два эпизода в моём сознании ещё не складывались в некую взаимосвязь. Но после третьего случая я понял, что со мной что-то не так. К разгадке подтолкнул мой взгляд в зеркало.

Итак, на недавно купленном легковом автомобиле я подъезжаю к воротам гаражно-строительного кооператива, где был мой гараж. Въезд оказался перекрыт: по центру ворот стояла легковушка, за рулём – молодой парень, в котором я узнал сына председателя кооператива. Приоткрыв дверь, он разговаривал с вахтёром, который для удобства разговора почти по пояс высунулся из окна дежурки.

Стою минуту. Разговор продолжается. При этом понимаю, что оба меня хорошо видят. Прошла ещё минута. На меня ноль внимания. Нажимаю на клаксон. Короткий «уважительный» сигнал. Ситуация не меняется. Явно пренебрежительно-неуважительное отношение. Я начинаю «кипеть» и жму на клаксон долго с короткими интервалами. Этот парень, лет двадцати пяти, наконец, отворачивается от своего собеседника и, вместо того, чтобы сесть за руль и отъехать, направляется ко мне. Посылались угрозы и оскорбления. «Убери машину!» – несколько раз произнёс я, не глядя на визави. Оскорбления продолжались. Моё «кипение» дошло до крайней точки. Ярость меня переполняла. Я поднял голову, глянул в его глаза и гаркнул: «Убери машину!!!». Наши взгляды встретились. Парень отшатнулся, пошёл к своей машине, сел за руль и дал задний ход. Я глянул в зеркало заднего вида, оно оказалось сдвинутым с установленной позиции и, вместо скопившейся за мной вереницы автомобилей, я увидел себя. Моё лицо было мертвецки бледное, а глаза ярко-красные. Послышались сигналы сзади. Дрожащей рукой я включил передачу, проехал до своего гаража и снова глянул в зеркало. Всё было как обычно: нормальный цвет лица и белки глаз оправдывали своё название. Показалось или так было?

Через три дня прихожу в гараж за машиной. Ко мне подходит казначей кооператива и просит денег на похороны. Умер сын председателя кооператива: «Единственный сын, – сокрушался казначей. – Ничем не болел. Остановилось сердце». Я молча вынул из кошелька купюру и отдал казначею.

Всплыли в памяти оба предыдущих эпизода, когда я доходил до высшей стадии ярости. Мне стало ясно, в чём моя ненормальность. В секунды высшего нервного напряжения, злобы, ярости моё биополе становилось губительным для того, кто вывел меня из душевного равновесия. Красные глаза добивали жертву окончательно.

Когда я это понял, то стал более тщательно контролировать свои эмоции. Но это удавалось не всегда. Мне неизвестно, чем заканчивались неизбежные в жизни конфликты с наглецами и негодьями, происходившие на парковках, в очередях и в других ситуациях с незнакомыми мне людьми. Но из близкого мне окружения ещё по меньшей мере две смерти на моей, как я считаю, совести. Неожиданно скончался сослуживец, которому на протяжении многих лет

не по служебным обязанностям, а просто из добрых побуждений я помогал во всех отношениях, в том числе и материально. Но взорвался я, когда на мою просьбу о совершенно незначительной услуге услышал в ответ: «А я тебе ничем не обязан!». Добро не всегда порождает добро. Но неблагодарных рано или поздно кара настигнет.

Ещё один коллега ушёл в мир иной после стычки со мной по чисто служебным делам. Во всех случаях конфликты завершались моим испепеляющим взглядом кровавых глаз. Зная об этой своей аномалии, я стал носить в барсетке небольшое зеркало и по завершении последних конфликтов выхватывал зеркало и убеждался, что дьявол во мне. Через несколько минут, по мере возвращения меня в себя, краснота практически полностью уходила.

Максим налил себе в рюмку остатки коньяка, молча выпил и, не глядя в мою сторону, лёг на диван, отвернулся к стенке и, похоже, сразу уснул.

Половина ночи пролетела незаметно. Проехали Смоленск, минули Калугу, за окном посветлело. Уснуть не удалось до самой Москвы. Смертельная опасность была рядом.

Уже на Белорусском вокзале, выходя из купе, Максим небрежно попрощался и затем добавил:

– Забудьте то, что я вам ночью насочинял.

– Такое не забудешь, – ответил я. – Такое на ходу не сочинить. Уверен, что ночью ты был искренен. Рассказал то, что копилось на душе десятилетиями.

По возвращении из московской командировки домой я поинтересовался у ряда коллег по университету, описывая внешность Максима, знают ли они такого из сослуживцев или к нам по делам приезжающих из других городов. Увы. Расспросы друзей из всех университетов и институтов города также результатов не дали.

Для себя я сделал определяющий выбор: с той памятной поездки я никогда не позволяю себе глубоких конфликтов, чтобы случайно не «нарваться» на дьявола во плоти.